

Киръ Козминъ.

Варангерское море и
его исторія.

(Изъ жизни Архангельскаго Сѣвера).

Архангельскъ.
Губернская Типографія.
1914.

Варангерское море и его исторія.

(Изъ жизни Архангельскаго Сѣвера).

Возраженіе воеводы Олонецкаго.

Съ того времени, какъ западный берегъ Біарміи именуется Мурманомъ, онъ былъ въ обладаніи Мурманъ, новгородскихъ славянъ. Жители Біарміи покорены новгородцами въ XI вѣкѣ, при Владимірѣ и Ярославѣ *). Но торговля предупредила воинскіе подвиги; уже въ IX вѣкѣ иностранцы усѣяли главнѣйшія рѣки Біарміи своими колоніями, и въ концѣ X упорина язычники бѣжали сюда со своими богами и на много усилили массу славянскаго населенія, преимущественно въ Каногорахъ, Устюгѣ, Вяткѣ. Въ то же время ихъ мужи вольные заняли берегъ Сѣвернаго океана, изобилующій рыбою и звѣремъ и лежащій на торговомъ пути къ устью Двины. Пришельцы эти, по примѣру скандинавскихъ морскихъ наѣздниковъ, прозвали себя норманами и это имя въ испорченномъ выговорѣ завѣщали всему западному берегу Біарміи, отъ предѣла Бѣлаго моря до окончанія Варангерскаго залива. Другой этнологіи не можетъ быть, имя собственное мурманское искони русскаго берега **).

*) Двинской лѣтописецъ и Карамзинъ.

**) Уже въ языческія времена. Двинская дельта, занимающая пространство болѣе 1000 квадр. верстъ, населена была язычниками, населеніе имѣло красивыя деревни и села, расположенныя по живописнымъ долинамъ. Въ то время существовали здѣсь обширныя торжища и славное на всемъ Сѣверѣ капище Юмалы. Съ моря пріѣзжали сюда купцы и вожди Скандинавскіе. Изъ глубины средиземья стекались торговые люди изъ Перміи, Болгаріи, Великаго-Новгорода. Посредствомъ Болгаріи двиняне сообщались чрезъ Каспійское море съ Азіей, а чрезъ Черное съ Греціею и Италіею. Такимъ образомъ Двинская дельта издревле была извѣстна не только Сѣверной Европѣ, Средней Азіи, но и Византійскимъ грекамъ. Норманы назвали ее по характеру мѣстности Гольмъ-горда, т. е. Островною землею, а Византійскіе писатели по образу правленія страны Бѣлою Сармаціей. Замѣчательенъ разсказъ Стурлезона въ Скандинавскихъ лѣтописяхъ о богатствѣ капища Юмалы и про продѣлки новгородскихъ купцовъ, посланныхъ на Двинскую ярмарку св. Елафомъ, первымъ христіанскимъ королемъ Норвегіи. Вотъ содержаніе этой легенды: „На головѣ истукана блистало золото съ драгоцѣнными камнями; его ожерелье цѣнилось въ сто пятьдесятъ фунтовъ золота; на колѣняхъ стояла съ золотыми монетами золотая же чаша такой величины, что четыре человѣка досыта могли изъ нея выпить; его одежды цѣною своею превосходили грузъ богатаго корабля. Купцы, приплывъ въ Двину во время самой ярмарки и покончивъ торги, передъ отъѣздомъ вздумали ограбить храмъ Юмалы. Они зашли воровски въ капище въ глубокую ночь и похитили все, что могли, но желая снять ожерелье, крѣпко къ идолу привязанное, отсѣкли ему голову. Вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ; стража пробудилась и начала трубить въ рога. Хищники бросились бѣжать. Жители съ крикомъ и вошлемъ гнались за ними и со всехъ сторонъ окружили, но, будучи неискусны въ дѣлѣ воинственномъ, ничего не могли сдѣлать отважнымъ и хорошо вооруженнымъ грабителямъ, которые благополучно дошли до своихъ судовъ.

Вслѣдъ за шведами и норвежцами и двиняне приняли христіанскую вѣру. О тогдашнемъ ихъ гражданскомъ благоустройствѣ можно составить понятіе изъ

По свидѣтельству Нестора, самоѣды въ XI вѣкѣ платили дань новгородцамъ, имѣвшимъ въ низовьяхъ Печоры свои колоніи. Какой доходъ приносила Печора, можно судить по тому факту, что великіе князья въ XII вѣкѣ требовали себѣ печорской дани. Поэтому, нѣтъ причины сомнѣваться въ современной древности мурманскихъ жилищъ. На Мурманскомъ берегу Кольская губа и Варангерскій заливъ представляютъ наиболѣе удобствъ для заселенія и мореплаванія. Кольскій островъ выстроенъ двинянами въ XII столѣтіи для покровительства бѣломорскимъ тресколовамъ и содержанія восточныхъ лопарей въ покорности. Слѣдовательно, на берегу Варангерскаго залива былъ первый притонъ Мурманъ. Такой выводъ согласуется и съ скандинавскими преданіями. Исландскія саги неоднократно повторяютъ, что за норвежскимъ берегомъ къ востоку тянется берегъ Біармаландіи, подвластный консулу Гофдоринскому (русскому). Еще яснѣе свидѣлствуютъ норвежскіе руническія грамоты, что пограничныя съ Норвегіей Лапландія, значитъ *Варангерское поморье*, принадлежитъ новгородцамъ до св. Олафа, современника Ярослава.

Въ куту Варангерскаго залива, на побережьи Червяной губы, одно урочище до днесь носитъ названіе Гандвика; стало быть, древній Гандвикъ былъ здѣсь, или же обнималъ весь берегъ Біарміи отъ устья Двины до окончанія Варангерскаго залива.

По мѣрѣ преобладанія въ Біарміи русскаго элемента, измѣнялись туземныя названія рѣкъ и морскихъ береговъ. Такъ, напр., рѣка Ежва переименована въ Вычегду, рѣка Емба—въ Выгойнъ, рѣка Сыктыерь—въ Сысолу, а Гановичъ мужи вольные нарекли моремъ вольнымъ, или что все равно моремъ Бѣлымъ. Но куть Варангерскаго залива и со-

слѣдующей грамоты Новгородскаго архіепископа Іоанна, данной Игумену Лукѣ, первому настоятелю новаго Михаила Архангела монастыря: "Благослови Архіепископъ Іоаннъ Новгородскій владыка у св. Михаила всеневную службу, благослови игуменомъ Луку къ св. Михаилу, и буди милость Божія и св. Софіи и Св. Михаила на посадскихъ Двинскихъ и на Двинскихъ боярахъ и на боярахъ Новгородскихъ, на владыкѣ намѣстникѣ на купецкомъ старостѣ и на всѣхъ купцахъ Новгородскихъ и заволоческихъ, и на игуменахъ, и на попѣхъ, и на всемъ причтѣ церковномъ, и на всѣхъ крестьянахъ отъ Емцы до моря.

Пермь, Біармія и Бярмеландъ, слова одинаковаго смысла, объяснимъ: по показанію русскихъ лѣтописцевъ, и вокругъ и около Перми жили славяне: Двинскіе, Пинежскіе, Волежане, Устюжане, Вотчане, Гаіане (чердынцы) и Кайгородцы и Печоры (Шустозерцы). Къ Западу отъ Двины иноязычныя народы Карела и Лопъ. Къ востоку: Самоѣды, Вогумцы, Перпасы. Главныя рѣки: Вычегда, Вымь, Вишера, Сысола, Вятка, Чусова и Кама, впадающая въ Волгу близъ города, называемаго Болгарь.

Монахъ Епифаній, современникъ и ученикъ св. Стефана, Епископа Пермскаго, писавшій житіе сего святителя чрезъ годъ послѣ его смерти, между прочимъ, повѣствуетъ: всякому желающему шествовать въ Пермскую землю, удобнѣе путь есть изъ г. Устюга рѣкою Вычегдой вверхъ, дондеже впадетъ въ самую Пермь.

Поэтому въ XVI вѣкѣ не только на Двинѣ, но и на Вычегдѣ, до преддверія Перми, нынѣшняго Яренскаго уѣзда, не было пермичей, они тогда уже обрусѣли и забыли свой языкъ. Одни названія нѣкоторыхъ Двинскихъ и низовыхъ Вычегодскихъ селеній чисто Пермскаго словопроизводства и напоминаютъ о происхожденіи тутошнихъ крестьянъ. Возьмемъ для примѣра селенія Сольвычегодскаго уѣзда; Котласъ, Кивокуры, Ягрышъ. Эти названія, вѣрно выражающія мѣстность, буквально значатъ: Устьемъ входъ, Сподручный заливъ и Рыхлый боръ.

Когда Архангельскіе и Вологодскіе пермяки переименованы въ зырянъ, положительно неизвѣстно, во всякомъ случаѣ, послѣ св. Стефана, ибо онъ навращалъ не зырянъ, а людей Пермскихъ, да и первые Архіереи, начиная со Стефана, наименовались пермскими жъ, не зырянскими. Прибѣгая къ историческимъ фактамъ, Пермская епархія учреждена въ 1383 году, первый епископъ св. Стефанъ, второй Исаія, третій Герасимъ святой, четвертый Іона, пятый Кипріанъ, онъ же крестилъ

хранилъ древнее свое имя, хотя въ томъ же заливѣ новгородскіе Мурманы дали русскія названія всѣмъ морскимъ урочищамъ.

Откуда бы ни пришли новгородскіе Мурманы или прямо съ Великаго-Новгорода или съ поморья Словянска или съ устьевъ рѣкъ, Ельбы, Одера, Вислы и Западной Двины, во всякомъ случаѣ, они знали морское дѣло и пробирались къ окіану морю сухимъ путемъ съ нагорной половины Обонежской пятины. Такимъ образомъ, удалые Мурманы наткнулись на оленныхъ аборигеновъ, никому еще не подвластныхъ и занимавшихъ привольную пустыню вплоть до Океана между 64 и 70 сѣвер. широты, въ предѣлахъ нынѣшнихъ уѣздовъ Кемскаго и Кольскаго.

Примѣняя то силу, то дружелюбные привѣты, острые славяне сошлись съ простодушными дикарями и, постигая важность приморской селитьбы, поселились на берегу Варангерскаго залива, образующаго цѣлое море и одареннаго отъ природы превосходными естественными гаванями, въ которыхъ они по вяжской натурѣ могли дѣлать набѣги на приходящія къ устью Двины торговыя суда. Мы хорошо знаемъ, съ какими слабыми силами совершилось завоеваніе Сибири; не труднѣе поддавались и здѣшніе дикари, тѣмъ болѣе, что они были подготовлены къ покоренію присоединеніемъ къ Новгороду сосѣдней Обонежской пятины, населенной древними финами, однородными съ ленными номадами. Первыхъ новгородцы называли Корелой и послѣднихъ Лопью. Западная Лопь вступила первая въ подданство Россіи. Они то именуется лукоморскою Лопью съ древнихъ преданій. Происхожденіе этого названія, за неимѣніемъ историческихъ данныхъ, мы можемъ объяснить лишь слѣдующей догадкой. Мурманы, какъ завоеватели, присвоили на первой порѣ себѣ собраніе дани, положенной по русскому обычаю съ лука, т. е. человѣка, владѣвшаго лукомъ. Слово ясакъ, занятое впоследствии у татаръ, не было въ ту пору извѣстно, и потому Мурманы называли своихъ приморскихъ данниковъ не ясачными, а луковыми, и по мѣсту жительства ихъ—лукоморскими, для отличія отъ лопарей норвежскихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ и восточныхъ: Кильдинскихъ, Локанскихъ, Кандалакшскихъ и Терскихъ, не приводимыхъ еще въ чье либо подданство. Черезъ нѣкоторое время западные или лукоморскіе лопари для вноса дани были приписаны къ Великому Новгороду, а послѣ паденія республики—къ Олонцу. Между тѣмъ, Кольскій острогъ съ восточными лопарями вошелъ въ составъ заволочья, или Двинской земли. Въ результатѣ Кольскіе лопари до сихъ поръ ведутъ жизнь дикую, бродячую

Великую Пермь, называемую до того „Чусовая“, въ которой св. Стефанъ, никогда не бывалъ. Въ нынѣшней Вятской губ., въ Усть-Вымской волости гдѣ Вымь устьемъ входитъ въ Вычегду, св. Стефанъ поставилъ первую церковь, затѣмъ построилъ монастырь, тутъ была и его епископія.

Должно замѣтить, что въ существующемъ мірѣ нѣтъ ни пермяковъ, ни зырянъ. Эти названія русскаго изобрѣтенія и сбиваютъ съ толку, ибо одно и то же племя, говорящее однимъ языкомъ, мы называемъ двумя различными именами. Пермичей Архангельскихъ и Вологодскихъ титулуемъ зырянами, а Чердынскихъ и Соликамскихъ пермяками. Между тѣмъ, какъ всѣ они на своемъ родномъ нарѣчій называютъ себя Коми. Стало быть, и страна ихъ древняя Комонія; слова же Пери—ма на языкѣ комоновъ значить вольная земля, какою она и была до пришествія Новгородцевъ. Слѣдовательно, русское слово Пермь, латинское Біармія и Скандинавское Бьермеландъ выражаютъ образъ правленія страны, какъ и Бѣлая Самонія, но отнюдь не названіе народное или письменное. Къ числу историческихъ эквивоковъ слѣдуетъ причислить и слово Чудь. О чуди было писано, между тѣмъ ларчикъ просто открывался. Новгородцы подъ словомъ Чудь разумѣли всѣ безъ различія инородныя племена, говорящія языкомъ для нихъ *нѣмыми*. На такомъ же основаніи древняя Русь называла нѣмцами всѣхъ западныхъ европейцевъ, исключая славянъ.

и пьяную, а лукоморскіе постоянно отличались трудолюбіемъ и духомъ трезвости. Они не терпѣли присутствія кружечныхъ дворовъ въ своихъ селеніяхъ, ранѣе приняли христіанскую вѣру и, примѣнившись къ осѣдлой жизни, образовали изъ своихъ деревень семь пахотныхъ волостей, извѣстныхъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ *семь лопскихъ погостовъ*. Въ этихъ погостахъ долго жили новгородскіе помѣщики, водворявшіе въ нихъ добрые нравы, рудные промыслы, металлическія работы *) и самое земледѣліе посредствомъ личнаго надзора и брачныхъ союзовъ съ корелями, вывезенными сюда изъ *Бъжицы*. Съ тѣхъ поръ Лукоморскіе лопари въ народѣ слывутъ кореляками, а въ канцелярской бюрократіи до новѣйшаго времени продолжаютъ называть ихъ комными крестьянами *Лопскихъ семи погостовъ*; но въ 1802 г. они уже подъ именемъ корель вошли въ составъ Архангельской губ. (Акты историческіе т. V стр. 241).

Бѣломорскій островъ Кемь, бывшій нѣкогда помѣстьемъ Марфы Борецкой (Посадницы), сдѣланъ уѣзднымъ городомъ въ 1785 году, но чудными судьбами отторгнуть отъ Бѣломорья и перечисленъ въ сухопутную Олонецкую губ. Къ счастью, логика восторжествовала, и лѣтъ черезъ 17 Кемь опять была возвращена Поморью, можно сказать, съ процентомъ, т. е. съ приростомъ Лопскихъ погостовъ, названныхъ корельскими и раздѣленныхъ по новѣйшей регламентаціи на волостныя правленія и сельскія общества.

Для лучшаго знакомства съ лопскими погостами, лежащими въ южной части Варангерскаго поморья, мы представимъ въ своемъ мѣстѣ, статистическія объ нихъ подробности, а здѣсь разсмотримъ содержаніе двухъ историческихъ актовъ, относящихся непосредственно до этихъ погостовъ и рисующихъ довольно нравы древнихъ жителей и торговое положеніе нынѣ заброшеннаго края.

Актъ первый. Въ 1686 году по челобитью мірскихъ челобитчиковъ *Лопскихъ всѣхъ семи погостовъ* грамотою Великаго Государя Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича строго воспрещено съ Олонецкой и съ иныхъ кружныхъ дворовъ цѣловальникомъ и чумакомъ возить и продавать въ тѣхъ лопскихъ погостахъ хмѣльные напитки. Таковое воспрещеніе состоялось на основаніи старинной грамоты, данной отъ Великаго Новгорода лопскихъ погостовъ крещенымъ и некрещенымъ лопарямъ, и подтверждалось многими россійскими самодержцами. Въ обновленныхъ царскихъ грамотахъ, между прочимъ, сказано: Питья въ лопскіе погосты винъ и медовъ, и пива, на продажу отъ Великаго Новгорода провозить не велѣно, когда къ Великому Новгороду тѣ лопскіе погосты были приписаны. (Акты историческіе Т. V стр. 241). Вотъ гдѣ нужно искать начало русскаго общества трезвости!!!

Второй актъ требуетъ предварительнаго комментарія. Послѣ паденія Новгородскаго вѣча, торговля сношенія съ Швеціею подверглись на всѣхъ пунктахъ контракта стѣснительнымъ мѣрамъ, но въ лопскихъ погостахъ, несмотря на важность пограничной черты, вплоть до 1677 г. никогда не бывало ни одной таможенной заставы. Таможенное стѣсненіе породило любопытную переписку между начальникомъ Лопскихъ погостовъ—Олонецкимъ воеводой и Соловецкимъ Архимандритомъ Иллариономъ, защищавшимъ свободное сообщеніе по сторонѣ. Выписываемъ подлинныя слова этой полемики, чтобы показать, какой зна-

*) Лопскихъ погостовъ земли богаты превосходнымъ желѣзомъ, изъ котораго потомъ Лукоморскіе лопари до нынѣ дѣлаютъ косы, топоры, косули и лучшіе во всемъ Бѣломорьѣ винтовки.

чительный рынокъ, внутренній и ви́шній, нѣкогда существовалъ въ нынѣшнемъ захо́лустьѣ. На внутренніе базары, посѣщаемые шведами, привозились свѣжіе продукты: хлѣбъ, мясо говяжье, свинина, всякая рыба и проч. А за границу зимнимъ путемъ ходили караваны съ сукнами, шелковыми издѣліями, сахаромъ и другими колониальными товарами.

Послѣ обычныхъ привѣтствій Олонецкій воевода Глѣбовъ писалъ Архимандриту Иллариону такъ: „Въ прошломъ 193 году въ Іюнѣ мѣсяцѣ писали мы съ Олонца, къ Вамъ въ Соловецкій Монастырь по челобитью Олонецкаго и уѣздныхъ таможеннаго и кружечныхъ сборовъ головы Фатей Нойкова съ товарищи, что проѣхали мимо Панозерскую заставу Вашего Соловецкаго Монастыря крестьяне, торговые люди, Сумскаго и Кемскаго остроговъ жители многимъ людьми за рубежь, въ свейскую сторону съ многими товарами, съ сукномъ и шолкомъ и съ сахаромъ, покупки Архангельска, не являсь на заставу въ Панозерскомъ погостѣ *) цѣловальнику и не уплатя пошлину по указу Великаго Государя и о томъ къ Вамъ изъ Новаго торговаго устава напередъ сего въ отпискѣ мы писали, чтобы по уставу Великаго Государя, велѣть тебѣ разыскать въ Сумской и Кемской таможенѣ изъ книгъ выписать: въ прошломъ 193 году въ Ноябрь мѣсяцѣ кто именно торговые люди Вашего Соловецкаго Монастыря крестьяне изъ тѣхъ таможенъ черезъ Панозерскій погостъ за рубежомъ въ отпускѣ и съ какими товарами на сколькихъ подводахъ? и по розыску велѣть бы намъ о томъ писать именно, чтобы тѣ таможенные пошлины въ непорѣ не были. Ниже, прописывается цѣликомъ отвѣтъ Архимандрита.

И въ нынѣшнемъ 194 году Октября въ 23 день писали Вы къ намъ на Олонецъ, что де бьетъ челомъ голова Фатей Нойковъ не дѣломъ, потому что де въ Панозерскомъ погостѣ заставы изъ вѣку никогда не бывало и заставы тѣ у нихъ, олонецкихъ головъ въ Лопскихъ же погостахъ; *идѣ укладъ и желѣзо и полицы* промышляютъ, и тамъ де они и пошлину собираютъ, а не въ Панозерскомъ погостѣ, и въ прошломъ де, въ 187 году былъ въ Олонцѣ въ таможенѣ головой Григорій Шумновъ и въ Паногорскомъ де погостѣ заставу учинилъ по своему вымыслу, а не по Государеву указу, и съ тѣхъ де мѣсть и по сіе время на заставу цѣловальника посылаютъ и Вашимъ де крестьянамъ великую шкodu и задержку чинилъ, въ которыхъ де городахъ каковъ Государскій указъ есть, что не съ продажныхъ товаровъ рублевья пошлины имать? Потому что иные Ваши крестьяне съ рыбой и съ саломъ ѣздятъ въ русскіе города черезъ Каргополь, Вологду и Ярославль и до Москвы и нигдѣ ни въ которомъ городѣ задержекъ не чинятъ и проѣзжихъ пошлинъ не спрашиваютъ и товаровъ не пересматриваютъ, а гдѣ де въ которомъ городѣ стануть товаръ свой продавать и съ той де продажи въ томъ городѣ и Государственную пошлину платятъ, а которые де Вамъ крестьяне съ городовъ не ѣздятъ товары, которые покупаютъ у города Архангельска, и тамъ де товары свои продаютъ и на тѣ же товары, напр. мѣдь и бѣлку и иные товары, и съ тѣми нѣмецкими товарами пріѣзжаютъ въ Кемь городъ и въ таможенные книги записываютъ и по тѣмъ товары выписи имъ даютъ какъ слѣдуетъ въ Колмогоры и къ городу Архангельску, а пріѣхавъ тамъ товары свои мѣдь и бѣлку и мягкую рухлядь продаютъ и съ той со своей продажи Государственную пошлину сполна платятъ, и онъ де голова Фатей бьетъ челомъ Великимъ Государямъ на крестьянъ Вашихъ будто они пошлину въ казну Великому Государю нигдѣ не платятъ и проѣзжаютъ мимо заставы Панозерскаго погоста

*) Панозерскій погостъ одинъ изъ семи Лопскихъ погостовъ.

безпошлинно; а которые де изъ за Онежья прїѣзжаютъ торговые люди съ товарами къ морю въ Сумскій острогъ и въ иные волости и которыхъ товаровъ не продадутъ и съ тѣхъ де и пошлинъ не снимутъ, а онъ де голова Фатей хочетъ съ крестьянъ Вашихъ двойную и тройную пошлину взять, потому что тѣ де Ваши крестьяне пошлину въ Государственную казну только въ Колмогорахъ и у города Архангельска сполна и другую пошлину въ монастырскую таможду и будетъ де впредь учнутъ Олонецкіе головы на заставу посылать въ Панозерскій погостъ и крестьянамъ Вашимъ издержки чинить и Вы о томъ узнаете писать вашимъ Государямъ къ Москвѣ“.

„И то Господине застава въ Панозерскомъ погостѣ учинена и Головы и цѣловальники по указу Великаго Государя, а не своимъ вымысломъ, потому что в прошлом в 189 году, іюль в 27 день при его блаженныя памяти Великаго Государя и Царя и Великаго Князя Ѳедора Іоанновича грамотѣ изъ приказа Большой казны за прописью дьяка Никиты Нагубина, на Олонцѣ велѣно съ лукскихъ въ семи погостахъ лопарей съ товары и съ проѣзжающихъ со всякихъ чиновъ, торговыхъ людей и съ иностранцевъ, которые въ тѣхъ погостахъ за проданный товаръ будутъ собирать таможенную пошлину, вѣрнѣе Повѣнецкіе голова и цѣловальники противъ новаго торговаго устава. Да и въ прошломъ же 190 году іюля 15 прислана Государская грамота изъ Приказа Большой казны на Олоонецъ, велѣно съ Лопскихъ погостовъ таможенные пошлины собирать Головамъ и цѣловальникамъ; а буде имъ въ тѣхъ лопскихъ погостахъ доведется сверхъ прежнихъ для сбора таможенныхъ пошлинъ поставить заставы и велѣно послать Головъ и цѣловальниковъ въ тѣхъ мѣстахъ поставить и берегъ накрѣпко, чтобы торговые люди не платя пошлинъ никуда не проѣзжали.

Да и бы того, Господине, въ Панозерскомъ и въ иныхъ погостахъ на заставахъ цѣловальникамъ и другимъ чинамъ велѣно стоять, что въ прошломъ въ 193 году прислалъ Великій Государь грамоту изъ приказа Большой казны и по той Великій Государь грамотѣ изъ приказа Большой казны къ намъ на Олоонецъ, купецкихъ людей которые ѣдутъ съ свинными и говяжьими мясами и съ рыбой и со всякими съѣстными запасами за свейскій рубежъ пропускать ихъ не велѣно и о томъ велѣно таможенному головѣ и цѣловальникамъ приказать, накрѣпко, чтобы отнюдь запасовъ тѣхъ въ свейскій рубежъ не пропускать и буде они чрезъ тотъ Великихъ Государевъ указъ, что пропустятъ изъ хлѣбныхъ и съѣстныхъ припасовъ, и Великимъ Государямъ про то учинить и вѣдомо и имъ за то быть въ опалѣ и въ жестокомъ наказаніи безъ всякаго милосердія; а потому вышеписанному Великихъ Государей указу на тѣ заставы нынѣшняго 194 года цѣловальники изъ Повѣнецкой таможи и съ Олонца и на ослушниковъ, служилые люди посланы и тебѣ бы, Господине, о томъ и весь Соловецкій Монастырь вотчины крестьянамъ, торговымъ людямъ и всякихъ чиновъ жителямъ велѣть чинить по указу Великихъ Государей безъ всякаго ослушанія, чтобы для того таможенныхъ пошлины поступали и недобору не было. Акты историческіе т. V стр. 222.

Несмотря на все это, Соловецкій монастырь выигралъ дѣло. Его стараніе кстати подкрѣпило челобитіе Олонецкихъ купецкихъ людей, которые объявили, что съ пресѣченіемъ сбыта сельскихъ продуктовъ въ Лопскихъ погостахъ или за рубежомъ, Олонецкіе крестьяне не будутъ въ состояніи платить податей для торжниковъ, выйдетъ безпромыслица,

а для казны недоборъ таможенныхъ сборовъ. Акты историческіе т. V стр. 239.

Вслѣдствіе сего повелѣно и пропускать съѣстные товары по прежнему, какъ ѣздили до сего, съ очисткою однако же таможенныхъ. Лѣтъ, нѣскольکو спустя, именно въ 196 году Панозерская застава была уничтожена и съ нею вмѣстѣ и въ другихъ мѣстахъ Поморья, въ Пустозерскѣ, Мезени, Кевролѣ, Варзугѣ, Умбѣ, выключая Колу.

Показавъ, такимъ образомъ, куда дѣвались Лукоморскіе лопари, мы не можемъ съ равною достовѣрностію разгадать судьбу ихъ покровителей Новгородскихъ Мурманъ. Старшіе изъ среды ихъ братья по всей вѣроятности поселились въ Лопскихъ погостахъ и владѣли въ нихъ вотчинами *) на правѣ помѣстномъ, а остальные жили у моря. Сіи послѣдніе, пробавляясь промыслами и торговлею, не забывали морскихъ наѣздовъ и на этомъ поприщѣ оставили историческій слѣдъ.

Въ XI столѣтіи заглохло въ Европѣ имя Нормановъ, т. е. Новгородскихъ Мурмановъ, а до XV вѣка сохранилась объ нихъ отчетливая память. Подъ годомъ 1419 лѣтописецъ повѣствуетъ именно: что Мурмане мечемъ и огнемъ опустошили богатый и людный погостъ Неноксу и другія прибрежья Бѣломорскаго населенія. Надо полагать, что эти Мурманы тревожили и Норвежцевъ, которые не безъ причинъ на самой оконечности Варангерскаго залива воздвигли, донинѣ существующую крѣпость *Вардеусъ*, между тѣмъ, какъ съ Двинянами Новгородцы жили постоянно въ братскомъ союзѣ. Причина ясная: Сѣверная Норвегія не можетъ и донинѣ проживать безъ русскаго хлѣба, а въ старину она покупала и соль бѣломорскую для своего рыбосоленія, слѣдовательно, въ двухъ главнѣйшихъ потребностяхъ вся зависѣла отъ Россіи.

Какъ бы то ни было, Великій Новгородъ въ званіи члена Ганзейскаго союза не могъ потворствовать морскимъ разбоямъ; а кровавые ссоры съ Двинянами и Норвежцами переполнили мѣру терпѣнія. Мурманы въ свою очередь должны были прекратить погромы и селитьба ихъ скрыта до основанія. Впрочемъ, это нельзя назвать фактомъ, а скорѣе догадка или предположеніе.

Въ половинѣ XVI столѣтія на берегу Варангерскаго залива возникло новое русское селеніе. Тутъ долго раздавался монастырскій звонъ, и болѣе 200 лѣтъ кипѣла промышленная жизнь на берегу и на морѣ. Творцомъ этой послѣдней колоніи былъ преподобный Трифонъ, подвизавшійся въ проповѣди лопарямъ Христовой вѣры, онъ соорудилъ при устьѣ рѣки Печеньги въ губѣ того же имени извѣстный въ лѣтописяхъ монастырь, получившій по свойству мѣстности трехсторонній характеръ: промышленный, торговый и морской.

Въ 1556 году Царь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ Печенгскому монастырю грамоту на разныя угодыя и снабдилъ его книгами, колбколами и церковною утварью. Благодарствовалъ и царь Ѳедоръ Іоанновичъ; но шведы злобно смотрѣли на этотъ опытъ колонизаціи русскаго осѣдлаго народа Варангерскаго Поморья. Они трижды разорили колонию и въ четвертый разъ въ 1591 году въ самый праздникъ Рождества Христова сожгли монастырь и побили сто шестнадцать монаховъ и слугъ, остальные спаслись бѣгствомъ.

На сей разъ дерзкіе грабители не остались безъ отмщенія. Въ

*) Кромѣ Марѣы Барецкой, въ Бѣломорской Карелии находились многіе Новгородцы помѣщики. О существованіи ихъ неоднократно упоминаетъ ближайшій къ Лопскимъ погостамъ лѣтописецъ Соловецкій.

1593 году ратные воеводы князь Андрей Романовичъ и князь Григорій Волхонскіе съ войскомъ изъ Холмогоръ города въ Каану и причинивъ тамъ опустошеніе, возвратились съ великой добычей *).

Въ 1596 году Царь Ѳедоръ Ивановичъ велѣлъ перенести Печенгскую обитель въ Кольскій острогъ, гдѣ она, въ силу Царской грамоты, сохранила прежнее свое наименованіе Живоначальной Троицы Печенгскаго монастыря и всѣ свои владѣнія, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимала Печенгская колонія, но въ 1619 году выстроенный въ Колѣ монастырь сгорѣлъ, послѣ пожара не возобновлялся, а старцы на братскомъ соборѣ рѣшили жить въ общемъ монастырѣ въ Печеньгѣ.

Въ 1675 г. Царь Алексѣй Михайловичъ, въ особой жалованной грамотѣ Печенгскому монастырю, подтвердилъ всѣ вотчинныя и торговыя права, дарованныя отцомъ и прежними монархами, съ подробнымъ показаніемъ, исчерпнутыхъ изъ писцовыхъ книгъ купчихъ крѣпостей, дарственныхъ и жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ мѣстахъ и урочищахъ ихъ рыбныя ловли, лѣса и дворы, и дворовыя мѣста, и соляныя варницы, и мельницы, и амбары, и всякіе монастырскіе заводы, угодыя и сѣнные покосы.

Наконецъ, въ 1764 году Печенгскій монастырь былъ упраздненъ, его земли, воды и лѣса сдѣлались бесполезнымъ для Россіи Государственнымъ имуществомъ, а заводы и строенія сокрушили время; но Святыня непоколебима! Близъ устья Печенги на руинахъ старой обители, разоренной шведами, стоитъ часовня (а впоследствии воздвигнута церковь), а въ 15 верстахъ вверхъ по Печеньгѣ сохранилась церковь Срѣтенія Господня, гдѣ почіють мощи преподобнаго Трифона, да другая пустынная же церковь Бориса и Глѣба, поставленная тѣмъ же угодникомъ, при устьѣ рѣки Пазрѣки. Обѣ эти церкви привлекаютъ набожныхъ поклонниковъ, именно: въ первыхъ числахъ февраля и 20 іюля, т. е. въ праздники Срѣтенія Господня и преподобнаго Трифона и Бориса и Глѣба. Въ тѣ поры отворяютъ двери уединенныхъ храмовъ, и въ нихъ совершается служба Божія священникомъ, пріѣзжающимъ изъ города Колы **).

Вслѣдъ за нашими богомольцами Норвежцы для торговъ ежегодно пріѣзжаютъ изъ-за рубежа съ своими товарами, на ряду которыхъ главную роль играютъ: колониальный, ромъ и превосходный англійскій ликеръ. Но это одна лишь тѣнь той старинной ярмарки, какая тутъ процвѣтала во время существованія Печенгской обители, особенно въ XVI вѣкѣ. Тутъ былъ свой порто-франко, въ которомъ продавались не одни наличные товары съ монастырскихъ амбаровъ и съ борта кораблей, но и въ сроки; а главнѣйшіе товары имѣли постоянную цѣну, Мурманскую и заграничную. Въ подтвержденіе ссылаемся на историческіе факты, заимствованные изъ торговой книги 1575 г. ***).

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ наказа русскаго купца на Мурманскій берегъ:

1) 1575 годъ. „На Мурманскомъ берегу смолы бочка продана на 4 ефимка, въ свою цѣну встанеть 1 р. 10 коп. и 4 деньги, въ Голландской землѣ купленъ по 3 ефимка, и ты имайся на 500“.

*) Исторія Росейской Іерархіи.

**) Въ настоящее время, по распоряженію мѣстнаго Епархіальнаго начальства, въ одну изъ сихъ церквей назначенъ постоянный священникъ и построена усадьба. Такимъ образомъ русское духовенство вторично кладеть краугольный камень колонизаціи русскимъ элементомъ Варангерскаго Поморья.

***) Торговля 1785 г. издано Арханг. Обществомъ въ 1851 г.

2) „На Мурманскомъ берегу вару бочка вѣсомъ въ 7 пуд. купить за полтретья руб. „а въ грабоннахъ бочка по 9 ефимковъ и ты сговаривай на 100 бочекъ 1575“.

3) „На Мурманскомъ берегу сѣры еловыя чистыя, показать образцы, цѣною говори за бочку по 19 ефимковъ и ты имайся на 10 бочекъ.

Кромѣ церковныхъ памятниковъ, Печенгскій Монастырь оставилъ по себѣ слѣдыпоучительныя для потомства на поприщѣ экономическихъ своихъ трудовъ. Въ устьяхъ Печеньги и Пазрѣки спускались на воду большія, нормандскія лодыи и мелкія промысловыя суда. Кромѣ иноковъ, бобылей, слугъ и дѣтенышей, Монастырь содежалъ: соловаровъ, мельниковъ, разныхъ мастеровъ, морскихъ и горныхъ звѣрелововъ и на перевозныхъ лодьяхъ кормщиковъ, носовщиковъ, осночей и всему этому міру независимо отъ духовной пищи, сообщали ревностный трудъ и вещественное довольство. *) На оборотѣ медали: всѣ монастырскіе и житейскіе потребности доставляла щедрая пустыня посредствомъ промысловъ мореходства и торговли.

Монастырскія лодыи выходили изъ Варангерскихъ гаваней нагруженными не одними произведеніями домашнихъ промысловъ, но и нѣмецкими товарами, получаемыми на Печенгскомъ торжкѣ, въ датскихъ заливахъ, а можетъ быть и далѣе. Сверхъ того, монастырская экономія, за удовлетвореніемъ всѣхъ своихъ потребностей и мѣстной распродажи отпускала во внутрь Россіи до 40.000 пуд. соли бесплатно, по особой привилегіи. Въ Холмогорахъ и Архангельскѣ происходила перегрузка товаровъ съ морскихъ судовъ на рѣчныя, а сбытъ во всѣхъ попутныхъ городахъ и торжкахъ, начиная съ Архангельска до Вологды и Ярославля. Нѣкоторые грузы зимнимъ путемъ доставлялись прямо въ Москву. При столь обширной операціи, монастырь въ главныхъ пунктахъ имѣлъ свои подворья для склада привозимыхъ и закупки мѣстныхъ товаровъ; закупка и обратный привозъ составляли слѣдующіе предметы: „хлѣбные запасы про монастырскій обиходъ и солянымъ варницамъ, рожь и ячмень и овесъ и солодъ и крупа и толокно, и сѣмя конопляное и масло, и мясо, пшеница и горохъ, и медъ на кутью и воскъ на свѣчи, и на платье холсты, точила и сукна всякія, и обувь и на обувь всякія кожи дубленыя и юфть бѣлая и красная, и конопля и прядево всякое на неводы и сѣти, на су-

*) Для полноты предмета списываемъ нѣсколько строкъ изъ грамоты Царя Алексѣя Михайловича, дающихъ понятіе о движеніи монастырскихъ промысловъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о благодѣтельныхъ льготахъ, которыми пользовалась Печенгскаго монастыря братія. „И съ тѣхъ поръ со всѣхъ рыбныхъ промысловъ и съ дворовъ и съ варницъ и со всякихъ промысловъ, которые въ жалованной грамотѣ написаны, и съ людей, которые приходили въ монастырь и къ варницамъ по соль и привозятъ въ Усолъе и въ монастырь всякіе хлѣбные запасы и съ лодейныхъ козаковъ поголовной явки, и съ звѣриныхъ ловель и луковыя пошлины съ монастыря, и съ ихъ крестьянъ, и съ крещеныхъ лопарей, и съ козаковъ, которые живутъ въ монастырѣ, и у варницъ, и у мельницъ, и на рыбныхъ промыслахъ по рѣкамъ, на заборахъ и по тонямъ, и на всякихъ монастырскихъ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ, и съ удейныхъ судовъ на морѣ и покрученниковъ отпуску, дани и оброковъ имать на нихъ не велѣно ни гдѣ и ни чего. И таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ и всякимъ пошлиннымъ людямъ тамги, пошлинъ и явка и хозяйскаго и съ осночей поголовнаго, и съ монастырскихъ хлѣбныхъ запасовъ, и съ иныхъ со всякихъ запасовъ которые они привозятъ въ монастырь къ варницамъ на лодьяхъ, и съ соли и съ рыбы, и съ сала, и со всякихъ нѣмецкихъ и лопскихъ товаровъ; съ покупки и продажи, и пріѣзжихъ и отъѣзжихъ и всякихъ пошлинъ съ нихъ не имати ничего; съ того что продаютъ съ своихъ промысловъ какихъ товаровъ для монастырскаго обихода, и что затѣмъ купятъ на монастырскій обиходъ и съ рыбныхъ звѣриныхъ и со всѣхъ ихъ промысловъ, съ бѣлой и красной рыбы, съ трески и палтоса десятины, и съ сала тресковаго и китоваго, десятины имать съ нихъ не велѣно. Акты историческіе. Т. IV стр. 550.

довую снасть на тросы и канаты и смолу, чѣмъ суда смолятъ и всякіе заморскіе запасы велѣно купить безбошлинно (Акты историч. Т. V стр. 551).

Потребленіе такихъ вещей показываетъ довольство, въ которомъ жили печенгскіе поселенцы, а съ другой стороны обнаруживаетъ возможность развитія на Варангерскомъ берегу значительнаго рынка для сбыта сельскихъ произведеній сѣверо-восточныхъ губерній, рынка съ двухъ сторонъ полезнаго и въ экономическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ. Усиливая внутреннее потребленіе сырыхъ продуктовъ, здѣшній рынокъ въ то же время ослабилъ бы слѣпую зависимость русской торговли отъ лондонской регулированной компаніи, дирижирующей со времени Ченслера Архангельскимъ портовымъ торгомъ посредствомъ своихъ смысленныхъ факторовъ.

Морская торговля Печенгскаго монастыря, совершаемая уже въ ясныя историческія времена, на опытѣ доказала, что сѣверная мѣстность Варангерскихъ гаваней не замкнута природою для мореплаванія. Для вящаго разубѣжденія взглянемъ и на живые примѣры: предъ нашими глазами Сѣверная Норвегія и Улеаборгъ. Не взирая на сѣверную мѣстность, онъ первый въ цѣлой Финляндіи на поприщѣ кораблестроенія, морской техники и мореплаванія, а изъ Варангерскаго поморья и лопскихъ погостовъ въ Каяну и Улеаборгъ рукою подать.

Вспомнимъ еще, что европейское мореходство получило начальное развитіе не на югѣ, а среди отважныхъ и закаленныхъ въ морѣ сыновъ глубокаго сѣвера. Въ началѣ среднихъ вѣковъ норманы высылали почти все свое народонаселеніе въ море. Въ IX вѣкѣ толпы нашихъ норвежскихъ сосѣдей заняли Исландію и въ этой ледяной пустынѣ образовали правильную и даже просвѣщенную, по тогдашнему времени, морскую державу. Почему же бы и русскимъ сѣвернымъ людямъ не образовать простой приморской колоніи на мѣстѣ, которое въ старину почиталось мѣстомъ благоугоднымъ для составленія честной обители, гдѣ почиютъ мощи святочимаго основателя, готоваго своими молитвами къ Царю Небесному послѣствовать дѣлу, имъ самимъ начатому.

Въ заключеніе историческихъ замѣтокъ о Варангерскомъ поморьѣ, съ той же точки зрѣнія, бросимъ бѣглый взглядъ и на Росейскую границу въ той мѣстности.

Отъ сѣверо-западнаго конца Архангельской губерніи, т. е. отъ бухты Ворьемы, Норвежская граница продолжается до озера Верхней Имандры, по-норвежски Енаракъ; считая всѣ изгибы, протяженіе составитъ 600 верстъ, а въ прямой линіи отъ востока къ западу 230. Это новая пограничная черта. Старая же имѣла оставленное Великимъ Новгородомъ направленіе. Словомъ, въ древніе годы весь Варангерскій заливъ принадлежалъ Россіи: Западную ея часть Норвежцы присвоили (съ Гандвикомъ) себѣ въ Смутное время, когда Новгородъ съ пригородами былъ за Свейскимъ королемъ до Стоябовскаго мира. Съ тѣхъ поръ граница, вплоть до 1826 года, выходила къ Варангерскому заливу у Вересь наволока. Но въ 1826 году экспедиція для опредѣленія рубежа между Норвегіей и Россіей слѣпо рѣшила отнести границу Государства до бухты Ворьемы, верстъ за 70 къ востоку въ прямой линіи, не принимая въ расчетъ изгибовъ берега и сухопутной территоріи. Для того уступлены Швеціи судоходные заливы: Нявдемскій, Пазрѣцкій, Ровденскій и на побережьѣ большое количество рыбныхъ, звѣриныхъ и лѣсныхъ угодій.

Такимъ образомъ, Россія лишилась чудной Пазрѣцкой гавани, имѣющей у Пазь-рѣки сообщеніе съ отдаленными лѣсами, и въ добавокъ ста душъ православныхъ лопарей, очутившихся заграницею, лучшихъ тресковыхъ становищъ и бобровыхъ готовъ, тогда какъ эта территория, морская и горная, по писцовымъ книгамъ, купчимъ крѣпостямъ, дарственнымъ записямъ и жалованнымъ царскимъ грамотамъ въ теченіе двухсотъ лѣтъ составляла собственность Печенгскаго монастыря. Независимо отъ исторіи, изъ множества на это юридическихъ доказательствъ представляется еще одно свидѣтельство писцовой книги на монастырское владѣніе рѣкою Нявдемою, удаленной отъ нынѣшней границы верстъ на 60 къ западу.

„Въ рѣкѣ Нявдемѣ рыбная ловля, съ тонями и горовными мѣсты „и съ бобровыми и звѣриными ловлями и съ лѣшими (лѣсными) озерами; да два амбара съ погребомъ, да ксея (тресковое становище) да „тоня Давыдовская съ горовными мѣсты, а межа отъ Песку до Товскаго наволоку“ *).

Вотъ и другой Актъ на владѣніе рѣкой Пазрѣкою и Пазрѣцкимъ устьемъ.

„До Печенгскаго же монастыря рѣка Пазрѣка, три лука и угодыя „къ тѣмъ лукамъ, тоже подъ Пахтою, тоня подъ другою Пахтою Теофиловская, а межа *Пазрѣцкое устье*, да тоня Крестова отъ моря до „половины рѣки Ровденги и съ тонями, да тоня Ручьева, тоня подъ „наволокомъ, а межа къ морю до Нѣмецкаго наволока съ горовными мѣсты; да по Пазрѣкѣ жъ на устьѣ храмъ страсотерпитцевъ Христовыхъ „Бориса и Глѣба, поставленные строителя ихъ старца Трифона“.

Еще въ 1623 году Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ на претензіи датскихъ подданныхъ норвежцевъ далъ слѣдующую резолюцію: **)

„А нѣчто нѣмецкіе датскіе люди учнутъ, къ намъ впрядь пріѣзжая „какихъ оброковъ и дани и съ рыбы десятины у нихъ просить, а если „(игумену съ братією) нѣмецкимъ людямъ оказывать, что та рѣка Лопская искони вѣчная вотчина наша Великаго Государя, а не Датскаго „Короля и по 1610 годъ въ тое землю Датскаго короля люди ни въ чемъ не вступались, и даней, и оброковъ, и рыбныхъ десятинь не спрашивали, а послѣ того въ тое землю учалъ вступать мимо прежней обычай. ***)

Развяжемъ историческій узелъ казуснаго дѣла. Въ началѣ XVII столѣтія, когда шведы властвовали въ Новгородѣ и смутною волновалась Россія, Каянскіе сосѣди возобновили набѣги на Кольское поморье и заняли Печенгскую колонію. Беззащитные старцы, будучи въ рукахъ у свейскихъ ратниковъ, творили ихъ волю, продовольствовали незваныхъ гостей и платили дань. Истощивъ средства честной обители, свейскіе нѣмцы отправились во свояси, но передъ очищеніемъ монастырскаго владѣнія они по сдѣлкѣ съ норвежцами уступили имъ завоеванный Варангерскій заливъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ передали свое волчье право на взиманіе дани съ русскихъ поселенцевъ. Независимо отъ дани, норвежцы имѣли въ виду давно желанную цѣль. Безлѣсный ихъ Финмаркенъ всегда съ завистью смотрѣлъ на русскую лѣсистую территорию, а тутъ представился благо случай рубить русской лѣсью, пожалуй, русскимъ же топоромъ, рассчитывая работу въ счетъ дани.

*) Акты историческіе. Т. IV стр. 550.

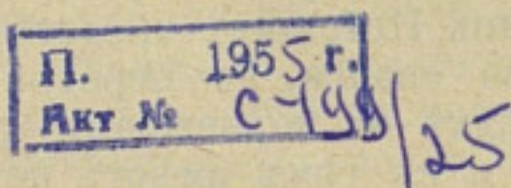
***) Эти резолюціи слушалъ и слово въ слово подтвердилъ въ 1675 году Царь Алексѣй Михайловичъ.

***) Акты историческіе. Т. I стр. 548.

Въ 1617 году по заключеніи Столбовскаго со Шведами мира, Новгородъ съ пригородами и уѣздами возвращенъ подъ Россійскую Державу. Несмотря, однако, на то, Норвежане овладѣли Гандвикомъ до Вересъ-наволока, т. е. до предѣла монастырскаго владѣнія, и долго не оставляли своего притязанія на Печенгскую дань. Съ упраздненіемъ Печенгскаго монастыря расширились и виды ихъ на оставленную впускъ богатую монастырскую землю. Выждавъ благоприятный моментъ, когда въ Россіи началось опять движеніе, когда новый Императоръ Николай 1-й только что вступилъ на престолъ, Норвежцы, подкупивъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ Несельроде, согласившагося, отбросивъ всякія историческія права на землю, размежеваться по проекту Норвежцевъ, достигли своей цѣли, убѣдивъ членовъ экспедиціи на постановку новой границы.

Новая граница начинается у озера Верхней Имандры, которое соединяетъ три пограничныя черты: Норвежскую, Русскую и Финляндскую. Отсюда нашъ рубежъ идетъ по ручью Паесъ, до впаденія въ рѣку того же имени; далѣе по этой рѣкѣ тянется на сѣверъ, но, не доходя моря, поворачиваетъ отъ рѣки направо, вдоль берега и, поровнявшись съ губою Вересъ, старой границей, удаляется прямо на югъ. Тутъ на протяженіи 10 верстъ онъ пересѣкаетъ рѣку Нявдему, Четеньгу и, коснувшись рѣки Пазъ рѣки, впаденія въ нее ручья Репона, идетъ по лѣвому берегу; въ этомъ направленіи, наткнувшись на препятствіе—русскую церковь Бориса и Глѣба, обходитъ ее кругомъ колѣномъ и, отрѣзавъ на самомъ взморьѣ Пазрѣцкое устье, а за симъ устье рѣки Ровдени, удаляется вторично отъ морского берега верстъ на пятьдесятъ къ юго-востоку, до озера Самозеро; наконецъ, прорѣзавъ Гаморро, поворачиваетъ къ морю по ничтожной рѣчкѣ Ворьемѣ, впадающей въ столь же ничтожную бухту Ворьему. Такимъ образомъ, одна лишь юго-восточная часть Варангерскаго залива принадлежитъ къ Россіи. Къ счастью, межевщики 1826 года оставили судоходную рѣку Печенгу, единственный теперь путь къ заморскому сбыту произведеній Варангерскаго поморья, въ случаѣ колонизаціи лѣсовъ Варангерской пустыни и дальнѣйшаго развитія промысловъ въ Кольскомъ уѣздѣ.

Кирь Козминъ.

Дозволено цензурой 30 декабря 1914 г. Военный Цензоръ В. А. Всеволожскій.

Перепечатано изъ №№ 19 и 20 „Извѣстій Арх. О-ва изуч. Русскаго Сѣвера“ за 1914 г. въ Архангельской Губернской Типографіи.

55-5983 25

40.17.7.107a

АКАДЕМИИ А

Цена 2

428 руб/11 1951

ФЕДЕРАЛЬНОЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛСКОЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ВИА - ВВ - КРАСНАЯ ГАЗЕТКА

Делегатский отдел

Ц